

Гущина Елена Геннадьевна

**"ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ": КАФЕДРА ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ КАЗАНСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В настоящей статье на основе архивных материалов раскрывается история развития этнографического знания в Казанском университете. Рассматриваются основные направления работы кафедры географии и этнографии, в первую очередь, деятельность П. И. Кротова и Б. Ф. Адлера в деле профессиональной подготовки этнографов и их личный вклад в развитие этнографической науки в Казанском университете. Отдельный сюжет посвящен накоплению коллекций Этнографического музея и роли П. И. Кротова в приобретении коллекции из фондов Умляуффа, а также деятельности Б. Ф. Адлера как крупнейшего музееведа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/17.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 72-75. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 39(470.41)

Исторические науки и археология

В настоящей статье на основе архивных материалов раскрывается история развития этнографического знания в Казанском университете. Рассматриваются основные направления работы кафедры географии и этнографии, в первую очередь, деятельность П. И. Кротова и Б. Ф. Адлера в деле профессиональной подготовки этнографов и их личный вклад в развитие этнографической науки в Казанском университете. Отдельный сюжет посвящен накоплению коллекций Этнографического музея и роли П. И. Кротова в приобретении коллекции из фондов Умляуффа, а также деятельности Б. Ф. Адлера как крупнейшего музейоведа.

Ключевые слова и фразы: история науки; этнография; кафедра географии и этнографии; кабинет географии; развитие образования.

Гущина Елена Геннадьевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
egguschina@mail.ru

**«ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ»: КАФЕДРА ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ
КАЗАНСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА[©]**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках проекта проведения научных исследований «Становление и развитие этнографического знания в Казанской губернии в XIX-XX вв.», проект № 14-11-16006.

Значительный вклад в развитие этнографической науки и профессиональной подготовки специалистов-этнографов в г. Казани и Казанской губернии в целом внесли сотрудники кафедры географии и этнографии Казанского университета. По указу 1884 г. в двух университетах России были открыты кафедры географии и народоведческих наук: в Московском университете кафедра географии и антропологии, в Казанском – кафедра географии и этнографии. Открытие такой кафедры в Казанском университете было закономерным следствием развития географии и этнографии в университете, где география рассматривалась как единая страноведческая наука. В ее задачу входило комплексное изучение природы, населения и хозяйства. Первоначально кафедра географии и этнографии была организована на историко-филологическом факультете, но в 1888 г. была перенесена на естественное отделение физико-математического факультета [13, с. 1].

Первый заведующий кафедрой Петр Иванович Кротов сыграл большую роль в организации профессиональной подготовки специалистов географов и этнографов. П. И. Кротов рассматривал географию в рамках русской географической школы, определяя ее как всеобъемлющую науку о Земле, и подчеркивал необходимость изучения взаимодействия природы и человека [15, с. 7]. Петр Иванович провел огромную работу по организации учебного процесса и созданию качественной учебно-вспомогательной базы.

Для организации учебного процесса П. И. Кротов создал библиотеку и кабинет географии при кафедре географии и этнографии. В кабинете географии собирались весьма разнообразные учебно-вспомогательные материалы и пособия: географические карты, глобусы, чертежи, атласы, антропологические и этнографические коллекции, приборы для специальных исследований и многое другое. Кабинет развивался очень динамично: в его состав входили аудитория для чтения лекций, чертежная «зала» для занятий с географическими картами, комната для занятий заведующего и небольшая комната для хранения материалов. Стены всех четырех помещений были завешены картами, всюду стояли шкафы с экспонатами, книгами, моделями [8, с. 47-48].

Долгое время, а именно 23 года, П. И. Кротов проводил столь большую работу один: «...ведет каталоги, отчет по кабинету, наблюдает за цельностью и сохранностью находящихся в них географических, антропологических коллекций и других учебных пособий; он сам приготавливает лекционные рисунки и чертежи, статистико-географические таблицы, приготавливает все нужное для лекций и прибирает все бывшее в употреблении на лекции (карты, картины, модели, фотографии и проч.); он должен сам раскрашивать карты, ...он руководит занятиями студентов по картографии, он сам выдает и получает студентам книги из библиотеки» [12, д. 1612, л. 11]. Помимо этого, Петр Иванович сам занимался составлением учебных планов и программ, обеспечением читаемых курсов наглядными пособиями и литературой, проводил экспедиции и экскурсии и читал основные курсы по географии и этнографии. В Совет университета не раз направлялось прошение о выделении ставки лаборанта. Такая должность была учреждена только в 1900 г., и на нее единогласно избрали рекомендованного П. И. Кротовым преподавателя Оренбургского Неплюевского Кадетского корпуса кандидата естественных наук, имевшего свидетельство на звание учителя географии Митрофана Алексеевича Александрова [Там же, л. 13].

П. И. Кротов стремился максимально полно дать студентам знания по преподаваемым дисциплинам. Помимо лекций и практических занятий, обозначенных в расписании, он вел периодически повторные курсы для студентов, интересующихся лучшей подготовкой к экзамену, и руководил разбором студенческих работ. Большую роль в подготовке специалиста П. И. Кротов уделял полевым исследованиям, специальным летним географическим экскурсиям. Учебный план был разработан так, что специалисту-географу давали и хорошую базу по этнографии: студентам читались курсы по общей и частной этнографии, антропогеографии, основы антропологии и т.п.

Большое значение П. И. Кротов уделял принципам наглядности и практическим занятиям. Для того чтобы в Кабинете хранились современные новейшие коллекции, их закупали в специализированных заведениях за границей. В Европе сложилось несколько центров торговли этнографическими экспонатами. Как правило, такие центры находились в портовых городах, одним из которых являлся порт Гамбург. Моряки, торговцы и путешественники привозили разнообразные коллекции – гербарии, экзотических насекомых и животных и, конечно, предметы быта и культы неевропейских народов. Постепенно сложился целый ряд фирм и частных предпринимателей, специализировавшихся на торговле предметами и экспонатами. Одним из таких предпринимателей был Иоганн Фридрих Густав Умляуфф, который в 1859 г. открывает собственное дело и уже в 1868 г. превращает его в фирму «Торговля натуралиями, фабрика изделий из раковин, связанная с Зоологическо-этнографическим музеем». С 1889 г. «Всемирный музей Умляуффа» поставлял этнографические и зоологические предметы музеям, кинокомпаниям, циркам и этнографическим выставкам, ярмаркам и шоу. Еще одним значительным направлением деятельности фирмы Умляуффа было изготовление антропологических манекенов в натуральную величину, которые делали с участников выставок народов, используя гипсовые отливки, фотографии и антропологические замеры. Коллекции в музее Умляуффа формировали по региональному или тематическому принципу, составляли каталог с фотографиями. Но документация экспонатов была минимальна – этикетки содержали ограниченную информацию о предметах, а датировку и собирателя определить вообще не представляется возможным [14, с. 78-79].

На протяжении 90-х гг. XIX в. и начале XX в. П. И. Кротовым велась активная переписка с музеем Умляуффа в г. Гамбурге о закупке экспонатов и манекенов, которые были бы наглядной иллюстрацией к курсу общей этнографии [2, д. 12, л. 1]. Так, в 1902 г. в Кабинет географии была доставлена первая коллекция из Умляуффа, относящаяся к народам Северной Америки, в которую входили образцы тканей, циновки, снасти для ловли рыб, веревки, ножи, лыжи, корзины, модели пироги и многие другие предметы. Вместе с этой коллекцией был доставлен и манекен индейца племени Сиу [5, д. 1, л. 1]. Также в этот год была приобретена коллекция древности Перу и Мексики. Она состояла из разнообразных глиняных сосудов, деревянных чашек, ложек, глиняных горшков, образцов материи, сумок, мешков. В эту коллекцию входили и ритуальные фигурки из глины, изображающие предков. Интересным приобретением для Кабинета географии стала мушкетерская девочка из Перу [6, д. 1, л. 1]. Большая коллекция, раскрывающая культуру и быт народов Африки, а также 2 манекена были доставлены в Кабинет из музея Умляуффа в 1902 г. В это собрание входили оружие, утварь, музыкальные инструменты, предметы культа и украшения [4, д. 1, л. 1]. Культуру и быт народов Австралии и Океании в Кабинете географии иллюстрировала коллекция, приобретенная в музее Умляуффа в 1903 г. [3, д. 1, л. 1]. Вместе с этой коллекцией был приобретен и манекен вождя племени Маори. В 1909 г. из музея Умляуффа в г. Гамбурге были приобретены четыре новых манекена – 2 великорусские женщины, китаец и китайка [7, д. 1, л. 1]. Вместе с манекенами китайцев была доставлена и одежда для них – мужской халат из розово-желтого шелка, кашне, обувь, шапочка из белого шелка с черной каймой, голубая шелковая женская кофта, широкие женские шаровары, пояс и шпильки [11, д. 11850, л. 150].

Дело П. И. Кротова продолжил и развил крупный специалист-этнограф, географ и музеевед профессор Бруно Фридрихович Адлер. С именем Б. Ф. Адлера непосредственно связаны широкое развитие этнографии как науки и начало высшей профессиональной подготовки этнографов в г. Казани, а также создание путем объединения ряда коллекций университета Этнографического музея.

Казанский период жизни и научно-исследовательской деятельности Б. Ф. Адлера начинается с осени 1911 г., когда он по рекомендации профессора Петра Ивановича Кротова избирается на заведование кафедрой географии и этнографии Казанского университета. П. И. Кротов высоко ценил Б. Ф. Адлера и в своей статье «Б. Ф. Адлер и его ученые труды по географии и этнографии» отмечал, что этнографическая подготовка Бруно Фридриховича будет очень полезной для Казанского университета, задачей которого является всестороннее изучение востока России, где имеется большой антропологический и этнографический материал [9, с. 2]. Б. Ф. Адлер имел прекрасную практику работы в музеях этнографического профиля, что как нельзя лучше отразилось на Кабинете географии. В Кабинете были проведены такие изменения, что аудитория, чертежная комната, коллекции по археологии, этнографии и антропологии получили отдельные помещения. Это существенно облегчало работу с учебными пособиями и экспонатами и сам учебный процесс.

Бруно Фридрихович Адлер уделял большое внимание организации учебного процесса. Он признавал неразрывную связь этнографии и географии, но выступал за разделение кафедры на две самостоятельные. По каждой из дисциплин, входящей в состав кафедры, читались основные и дополнительные (специальные) курсы. Так, по географии – «Общее землеведение» в полном объеме, 2 часа (общий курс обязательный для студентов 3 курса) и «Страноведение» (показательный курс объемом 2 часа для специалистов 4 курса); по этнографии читался один общий курс объемом 2 часа для специалистов. Сам Б. Ф. Адлер читал курсы общего землеведения, историю землеведения, страноведение и этнографию [13, с. 3-4].

Большое внимание Б. Ф. Адлер уделял организации научной работы на кафедре: все сотрудники и студенты вели обязательную научно-исследовательскую работу, о чем свидетельствуют отчеты кафедры и протоколы Совета факультета [1, д. 1, л. 12]. Под руководством Б. Ф. Адлера получают развитие «дальние экспедиции» – полевые экспедиции студентов, которые имеют одно из первостепенных значений в подготовке специалистов. Важное место в учебном процессе Бруно Фридрихович уделял практическим и самостоятельным занятиям студентов. Н. В. Зорин в своей работе приводит такие сведения из «Отчета о состоянии Императорского Казанского университета за 1912 г.»: «...студент Эльбекянц разбирал этнографические коллекции по Африке и Океании и зарегистрировал их с соблюдением музейных правил, студент С. Н. Лаптев

прорабатывал литературу по Новой Земле; студент И. А. Лопатин занимался научным описанием и дешифрованием знаков на долганско-якутском шаманском костюме» [9, с. 27].

Из этого отчета видно, что Этнографический музей был важной частью учебного и научного процесса, его материально-технической базой. Б. Ф. Адлер, будучи талантливым и профессиональным музейным работником, особое место было отводил сбору, обработке, размещению и созданию коллекций при Кабинете географии. К концу 1910 г. проф. Б. Ф. Адлер был занят научным описанием и регистрацией коллекций по археологии и этнографии. В этом году рост коллекций Кабинета географии осуществлялся за счет увеличения книг, картин и атласов, географических карт, инструментов и чертежных принадлежностей, разных материалов и коллекций. В данный кабинет доставляли многие предметы, которые отражали культуру и быт как местного населения, так и народов России и других стран. Но этнографическое собрание не имело своей завершенности – в университете существовало еще два музея с этнографическими коллекциями, которые дополняли друг друга, но находились в ведении разных подразделений. Именно благодаря работе Б. Ф. Адлера в 1913 г. в университете был образован объединенный Этнографический музей, коллекции которого в полной степени отражали быт и культуру как народов Поволжья и России, так и многих других стран в целом. Эти коллекции дополняли друг друга, делая новый музей действительно одним из самых значимых и уникальных в России на тот период.

П. И. Сементовский в статье «Кафедра географии и этнографии Казанского университета за 25 лет» так описывает состояние этнографического собрания: «В настоящее время основное помещение кабинета заключается в 6 комнатах, к чему присоединено зало с хорами из помещения Музея Отечества, а также часть прилегающего коридора. Уже оформилась у настоящего заведующего мысль о необходимости создания отдельного заведения – Института (без жилых помещений, во избежание пожара), над фронтоном которого была бы надпись, определяющая всю идею этого создания, – “Cognosce te ipsum” (Познай самого себя). Но и теперь уже коллекции по их обработке и выставлению будут иметь характер музея, первого в провинции. Тогда как в Западной Европе кафедры имеют лишь ограниченные чисто учебные коллекции, а все остальное выделяется в солидные общедоступные музеи, причем часто директорами этих музеев являются профессора, у нас, при культурной бедности, кафедры часто по необходимости являются и центрами музейного дела, что конечно ложится на тот же немногочисленный штат работников» [13, с. 4].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в Казанском университете одним из первых началась профессиональная подготовка высококвалифицированных специалистов в области географии и этнографии. Открытие кафедры географии и этнографии стало итогом развития географических и этнографических знаний в Казанском университете с момента его основания. Вместе с тем, создание такой кафедры дало основание для формирования и дальнейшего развития новых подходов в исследовании природы и человека.

Учебный процесс на кафедре географии и этнографии был поставлен на высоком и передовом уровне. Одним из первых в Казанском университете была начата профессиональная подготовка высококвалифицированных специалистов-этнографов по специальному учебному плану. Особое место занимала практическая подготовка, полевая и кружковая работа студентов.

В учебном процессе большое внимание было уделено формированию качественной учебно-вспомогательной базы. Пополнение Географического кабинета современными наглядными пособиями и экспонатами было регулярным и систематическим.

Особо стоит отметить роль Б. Ф. Адлера как прекрасного методиста, владеющего в совершенстве методами и приемами педагогической работы в высшей и средней школе. Свои знания, умения и навыки он передавал своим ученикам. Именно о Бруно Фридриховиче Адлере можно говорить как об основателе Казанской этнографической школы.

Список литературы

1. Архивный фонд Этнографического музея (АФЭМУ). Ф. 1. Оп. Акты и отчеты.
2. АФЭМУ. Ф. 1. Оп. Письма и запросы.
3. АФЭМУ. Ф. Австралия и Океания. Оп. 2.
4. АФЭМУ. Ф. Америка. Оп. 1.
5. АФЭМУ. Ф. Америка. Оп. 164.
6. АФЭМУ. Ф. Америка. Оп. 165.
7. АФЭМУ. Ф. Китай. Оп. 109.
8. Гушина Е. Г. Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития. Казань: Отечество, 2013. 108 с.
9. Зорин Н. В. Бруно Фридрихович Адлер. 1874 – не ранее 1932. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2001. 35 с.
10. Кротов П. И. Б. Ф. Адлер и его ученые труды по географии и этнографии. Казань, 1911. 3 с.
11. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. Совет.
12. НАРТ. Ф. 977. Оп. Физ. мат.
13. Сементовский В. П. Кафедра географии и этнографии Казанского университета за 25 лет // Приложение к протоколу заседаний Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1915. № 295. С. 1-8.
14. Соболева Е. С. Частные этнографические музеи Гамбурга и коллекционирование в конце XIX – начале XX века // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 78-81.
15. Тосубаева Л. С. Кафедра географии и этнографии в Казанском университете: историческая ретроспектива // Природные, социально-экономические и этнокультурные процессы в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 120-летию образования кафедры физической географии и этнографии в Казанском университете. Казань: Алма-Лит, 2008. Ч. 2. С. 6-8.

**“COGNIZE YOURSELF”: DEPARTMENT OF GEOGRAPHY
AND ETHNOGRAPHY OF KAZAN IMPERIAL UNIVERSITY**

Gushchina Elena Gennad'evna
Kazan (Volga Region) Federal University
egguschina@mail.ru

The article basing on archival materials reveals the history of ethnographic knowledge development in Kazan University. The author considers the basic directions of the Geography and Ethnography Department activity, in the first place, the activity of P. I. Krotov and B. F. Adler in training ethnographers and their contribution to the development of ethnography at Kazan University. A separate plot is devoted to the accumulation of the collections of the Ethnographic Museum and to the role of P. I. Krotov in acquiring a collection from the funds of Umlyauff, as well as the activity of B. F. Adler as a major museologist.

Key words and phrases: history of science; ethnography; Department of Geography and Ethnography; specially equipped room of geography; development of education.

УДК 316.342(323.325)

Исторические науки и археология

На основе анализа документов, вышедших из крестьянской среды (писем в газеты, жалоб и прошений в органы власти, протоколов сельских сходов), рассматриваются особенности социально-психологического типа мышления крестьян, взгляды сельского сообщества на социально-имущественные различия, интерпретацию источников бедности и богатства, особенности восприятия эксплуатации. Раскрыты критерии социальной дифференциации, которые выделяли сами крестьяне и оценивали на их основе социальное положение односельчан, выявлены социальные типы, в существование которых верили члены крестьянского общества. Показана трансформация взглядов крестьянского сообщества в условиях новых социально-политических реалий.

Ключевые слова и фразы: объективистская и конструктивистская методологии; стереотипы крестьянского мышления; социальная идентичность; бедняк и кулак в массовом крестьянском сознании; «союзики» и «враги» советской власти.

Доброноженко Галина Федоровна, д.и.н., доцент
Сыктывкарский государственный университет
g_dobronozhenko@mail.ru

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ОДНОСЕЛЬЧАН В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ В 20-Е ГОДЫ XX В. ©**

Характер дискуссий о социальной структуре крестьянства в 1920-е гг., развернувшихся в новейшей историографии, был сформулирован В. П. Даниловым: «что представлял собой бедняк, середняк и кулак в советской деревне: были ли они реальными социальными фигурами, или же мы имеем дело всего-навсего с идеологическими персонажами, мифами?» [14, с. 31]. В этой формулировке обозначены два методологических подхода к анализу социального неравенства в постреволюционной деревне.

Сторонники объективистской методологии, анализирующие социальное неравенство на основе экономических признаков (размер имущества и величина дохода) и отношений эксплуатации-зависимости, придерживаются мнения о дифференциации крестьянства на «социально различающиеся слои, среди которых были и эксплуатируемые, и эксплуатирующие»; «кулак, середняк и батрак были реальными, а не мифическими фигурами» [8, с. 11, 12, 49; 14, с. 33]. «Конструктивисты», отрицающие социально-экономический (в их интерпретации – «классовый») характер дифференциации, применяют градационный (одномерно стратификационный) подход: социальные группы различаются исключительно на основе экономических признаков: размер имущества и доход. Для «конструктивистов» характерно утверждение, что сельские эксплуататоры были раскулачены в период «воинствующего коммунизма» и в 1920-е гг. «в деревне были только зажиточные трудовые крестьяне» (кулак – это «идеологический персонаж») и взгляд на бедноту как на деклассированный слой, включающий в свой состав исключительно бездельников, лентяев, пьяниц [11, с. 67-68; 13, с. 149; 22, с. 6; 23]. Основным эмпирическим материалом, на котором выстраивается система аргументов «конструктивистов», являются высказывания крестьян или местных работников, в которых они называют всех маломощных крестьян «лодырями» и отрицают существование в нэповской деревне эксплуататоров (буржуев).

Цель статьи – рассмотреть особенности социально-психологического типа мышления крестьян и взгляды сельского сообщества на социально-имущественные различия, критерии социальной дифференциации, которые выделяли сами крестьяне и оценивали на их основе социальное положение односельчан, определить те социальные типы, в существование которых верили сами члены крестьянского общества.